

Пропа між
двох костров
Єлизавета Мальчикова

18+

Елизавета Мальчикова

Тропа меж двух костров

«Автор»

2026

Мальчикова Е.

Тропа меж двух костров / Е. Мальчикова — «Автор», 2026

Настя — дочь кузнеца Владимира, чья воля тверже закалённой стали. Её сердце отдано Артемию, бедному сироте, которого отец презрительно зовёт смердом. Любовь молодых хрупка, как первый лёд на реке, и вот-вот будет растоптана суровыми законами рода и отцовским гневом. Побои и унижения становятся платой за запретное чувство, а единственный путь к спасению, который видит мать Насти, лежит через кровь — Артемий должен уйти в княжескую дружину, где жизнь воина измеряется лишь до первого сражения. Но когда отчаяние достигает предела, когда тоска по ушедшему возлюбленному становится невыносимой, на пороге избы появляется тот, кто питается женской болью. Огненный змей — славянский инкуб, коварный соблазнитель и вестник гибели. Его речи сладки, его прикосновения обжигают холодом преисподней, а цена за его дары — бессмертная душа. Дорогие, друзья! Обратите внимание, что мои книги написаны по сказкам, мифологии и мифам славянской Руси, но не по историческим фактам!

© Мальчикова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Горькая роса	5
Зов	10
Навий жених.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тропа меж двух костров

Горькая роса

Часть первая.

Любовь и смерть.

Глава первая.

Горькая роса.

Босые ступни обжигает холодная роса. Я смеюсь, запрокинув голову к кронам вековых сосен, где солнечные лучи с трудом пробиваются сквозь плотный полог, рисуя на земле причудливые узоры. Летнее утро пахнет влажной землёй, смолой и чем-то неуловимо сладким — то ли цветущим подмаренником, то ли самой магией леса. Артемий уже близко; я слышу треск сухой ветки под его сапогом и низкий, грудной смех, от которого по спине бегут мурашки. Не оборачиваясь, я ныряю за раскидистую берёзку, прижимаюсь спиной к её шершавому, прохладному стволу и замираю, стараясь унять дыхание.

— Настя! — его голос звучит совсем рядом, справа. Он знает эти тропы лучше меня, вырос здесь. Но он играет честно, даёт мне шанс. — Я найду тебя, рыжая!

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться снова. В этот миг утренний ветерок стихает, и лес погружается в звенящую тишину. И в этой тишине я вдруг чувствую это — лёгкую вибрацию под ладонями, которыми я упираюсь в кору. Берёза словно... дышит? По белой коже ствола пробегают едва заметные серебристые искры.

— Выходи, хитрая, — шепчет Артемий уже с другой стороны, но я не могу пошевелиться, замороженная зрелищем. Кора на уровне моих глаз начинает темнеть, плавиться, как тёплый воск, собираясь в очертания человеческого лица. Древесные губы беззвучно шевелятся, а затем из них вырывается звук, похожий на шелест листвы и скрип старых ветвей. Это не слова, которые можно понять разумом, а скорее прямое знание, падающее в самую душу: «Он идёт. Тот, кто носит чешую. Беги от него, дитя.

Его поцелуй — вечный сон».

Видение меркнет так же внезапно, как появилось. Серебряные искры гаснут, оставляя после себя лишь запах озона и липкий страх. Я отталкиваюсь от дерева, забыв про игру. Сердце колотится где-то в горле, но не от бега, а от предчувствия беды. — Что случилось? — Артемий выходит из-за соседней берёзы, улыбка сползает с его лица, когда он видит моё бледное, испуганное лицо. Он делает шаг ко мне, протягивая руку. — Ты белая как полотно. Кто тебя напугал?

Я смотрю на его протянутую ладонь, такую родную и тёплую, но перед глазами всё ещё стоит образ древесного лица.

«Его поцелуй — вечный сон».

— Мне нужно домой, — шепчу я, отступая на шаг. — Прямо сейчас.

Артемий виновато пожимает плечами. — Ладно.

Тёплая ладонь накрыла мою руку, шершавая от мозолей, но удивительно нежная. Она осторожно потянула меня из тени берёзы на свет. Липкий страх комом застрял в горле, не давая вдохнуть полной грудью. Я подняла глаза на Артемия. Его взгляд серьёзен, без тени недавней игривости. Он смотрел так, словно видел во мне что-то большее, чем просто испуганную девушку. Что-то очень дорогое его сердцу. — Ты единственная, — его голос прозвучал низко, почти шёпотом, сплетаясь с шелестом листвы над нашими головами, — единственная, кто коснулся моего сердца. Он притянул меня к себе, и мир сузился до запаха хвои и влажной земли, исходящего от него. Его губы тёплые вопреки утренней прохладе. Поцелуй стёр последние крупитцы страха, оставив лишь оглушительный стук крови в ушах. Он первый мужчина, кто

поцеловал меня по-настоящему, и этот поцелуй казался обещанием защиты от всех лесных духов, навших тварей и невзгод.

Отстранившись, он не отпустил меня, а лишь крепче сжал пальцы на моём запястье, где билась жилка.

— Пойдёшь за меня? — спросил он, и это было не требование, а вопрос, от которого зависела судьба. — Станешь моей женой перед лицом богов и людей?

В его глазах плескалась такая отчаянная надежда, что мой собственный страх показался ничтожным. Я улыбнулась краешком губ и рванула с места.

— А может и пойду! — Прокричала я, не оглядываясь.

Зайдя в избу, я едва не задохнулась: в нос ударил густой, обволакивающий дух тёмного печного дыма, обитающий под потолком. В полумраке отец сидит на широкой деревянной лавке за тяжёлым дубовым столом и сверлит меня тяжёлым взглядом. — Опять со своим смердом шлялась! — прорычал отец, и его голос подобен раскату грома. Он сжал огромные кулаки так, что побелели костяшки. Я опустила глаза и принялась отчаянно тереть грубую ткань своего кафтана, пытаясь унять дрожь в руках. — Тятя, не надо... — это всё, что я смогла выдать из себя. Отец резко поднялся. Тяжёлая лавка с грохотом опрокинулась на земляной пол. Он шагнул ко мне, и я невольно отшатнулась, чувствуя, как меня обволакивает знакомый с детства аромат трав, с которыми мать поласкает нашу одежду.

— Не надо? — его голос стал тише и оттого ещё страшнее. — Не надо ему кружить возле моей дочери! Ты — девица из рода кузнеца! Не для того я наковальню годами гну!

— Но тятя... я люблю его... — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает горький ком. Отец схватил меня за плечо и дёрнул к себе. Его пальцы как кузнечные клещи. — Одной любовью сыт не будешь! — вспыхнул он. — Если хочет добиться моего расположения, пусть научится зарабатывать монеты! А то только и умеет, что у печи греться да языком молотить!

— Владимир, отпусти сейчас же нашу дочь! — раздался властный голос. В горницу вошла мать. В её руке была зажата тяжёлая кочерга. Она встала между нами, заслоняя меня собой. — Хватит пугать её! Он хоть и беден, но руки у него золотые! Отец разжал пальцы. Я тут же кинулась в объятия матери, сглатывая горький ком обиды.

— Больше к нему не пойдёшь! — бросил отец уже от двери. Он схватил свой кожаный фартук, висевший у входа. — А коли он посмеет сюда заявиться — головы ему не сносить! Своим молотом клянусь! С этими словами отец вышел из избы, с силой хлопнув тяжёлой дверью так, что пламя в очаге испуганно колыхнулось.

— Как же так, мама — Голос мой сорвался на шёпот, и я больше не могла сдерживать слёз. Они хлынули горячим, солёным потоком, обжигая щёки. Плечи предательски затряслись, и я закрыла лицо руками, стыдясь своей слабости. Мама тут же положила тяжёлую кочергу рядом с печкой и обняла меня крепче, прижав к своей тёплой груди. От её одежды пахло сушёной малиной и дымом очага — запах дома, который сейчас казался мне клеткой. — Тише, тише, дитя. — Она гладит меня по волосам шершавой ладонью. — Ничего. Коли никто ещё свататься не приходит, время у твоего Артемия есть. Пусть он в себе силы копит. — Она отстранилась, взяла моё лицо в свои руки и заглянула прямо в глаза. В её взгляде была суровая мудрость, от которой мне стало ещё страшнее. — Пусть твой Артемий в дружину княжескую запишется. Глядишь, и златник в дом принесёт. Станет мужем не с пустыми руками. Мои глаза расширились от ужаса, словно я заглянула в бездонную пропасть. — Как это — в дружинники? — выдохнула я, чувствуя, как ледяной холод сковывает сердце. — Мама Это ж верная смерть! Стрелы печенежские, мечи хазарские... Нечисть всякая. От туда же не возвращаются! Мама качнула головой, и в её голосе зазвучала неумолимая сталь: — Это самый быстрый способ заработать на выкуп за тебя. А как свадьбу сыграем — уйдёт из дружины-то. Пойдёт к отцу твоему в кузню подмастерье Коли Перун его сбережёт.

Я безвольно осела на пол, ноги отказывались держать. Я начала рыдать навзрыд, уже не сдерживаясь. От одной лишь мысли о том, что мой Артемий, чьи руки созданы для ласки и работы с деревом, а не для убийства, будет стоять в строю под градом вражеских стрел, меня сковывал первобытный ужас. Я представила его бледное лицо на поле брани, и горло перехватило так, что я не могла вдохнуть.

— Ну а ты как хотела, дочь? — Голос матери доносится до меня словно сквозь толщу воды. — Чтоб отец тебя за смерда-примака отдал? Чтоб мы с голоду пухли? Чтоб соседи пальцами тыкали? Я рванулась из её объятий с неожиданной для самой себя силой. Мир вокруг расплылся от слёз. Я добежала до тёмного угла за печью и упала на лавку, зарывшись лицом в старый овчинный тулуп. Я не могла поверить. Моя родная мать предлагает мне отдать любимого на верную гибель ради горсти монет! В этот миг мне показалось, что весь мир ополчился против нас. Будто и мать тоже хочет избавиться от Артемия, который «недостойн» её дочери. Боль предательства смешалась со страхом за его жизнь, и эта смесь выжигала меня изнутри.

— Поплачь, Настя, коли легче станет.

Сидя у давно остывшей печи, я разглядываю свои пальцы. Слёзы всё ещё катятся по щекам, оставляя на коже солёные дорожки, но я даже не пытаюсь их утереть. Глаза, наверное, жутко покраснели и распухли, но мне наплевать. Пусть видят. Пусть весь мир видит, как мне больно.

«В дружинники...».

Это слово билось в моей голове, как пойманная в силки птица. Я видела их на торжище — молодых парней в кожаных доспехах, с горящими глазами и шрамами на лицах. Они казались мне героями из сказаний гусляров. Но теперь я знала правду. За их молодостью и силой стояла смерть. Холодная, безликая, которая не разбирает, кто прав, а кто виноват. Она просто забирает. Я представила его там. Вокруг лязг стали, крики раненых и запах крови и пота. Я видела, как вражеская стрела находит щель в его доспехе... Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги, и прижала ладони к лицу, пытаясь отогнать страшное видение. Видение быстро исчезает, потому что я слышу, как со скрипом отворилась дверь в избу. До ушей доносится глухой лязг опрокинутого кувшина и жалобный звон глиняных горшков — мать в суете собирала ужин, но руки её не слушались после работы в поле.

— Где харчи, дочь? — Голос отца, низкий и налитый свинцовой тяжестью, разрезал тишину избы. В нём уже не было гнева — лишь холодная, выверенная злоба.

— Я тебе не челядь! — Слова вырвались сами, прежде чем я успела подумать. Горечь обиды за Артемия, страх и унижение смешались в этот дерзкий выкрик.

Тяжёлые шаги сотрясли половицы. Он не шёл — он надвигался, как грозовая туча. Отец грубо схватил меня за косу и рванул вверх, вытаскивая из-за печи. Боль обожгла кожу головы, но это было ничто по сравнению с тем, что ждало впереди. Он поволок меня через горницу к выходу, и мои ноги безвольно волочились по земляному полу.

— Отпусти! — Крик матери был похож на вой раненого зверя. Из её ослабевших рук выпал глиняный горшок, наполненный капустой и пшеном, рассыпав по полу неприготовленный ужин.

Отец швырнул меня на широкую лавку во дворе так, что воздух выбило из лёгких. — Челядь бы я убил за такие дерзкие слова, — прохрипел он, нависая надо мной тёмной громадой. Лицо его исказилось, утратив человеческие черты. — А тебя... тебя я просто выпарю. Чтоб дурь выбить. Мать бросилась ему в ноги, пытаясь обхватить колени, остановить, но было поздно. Тугая плеть со свистом рассекла вечерний воздух. Первый удар ожёг спину раскалённым железом. Я закричала, но тут же сжала зубы, давясь собственным криком, чтобы не доставить ему удовольствия слышать мою слабость. Боль была ослепляющей, белой вспышкой перед глазами. Секунды длились как вечность. Часы. Второй удар пришёлся ниже, вспарывая ткань рубахи и впиваясь в плоть. Я судорожно хватанула ртом летний воздух, чувствуя

металлический привкус крови на губах от того, что прикусила язык. Раздался третий удар. Огненный хлыст прошёлся вдоль позвоночника, и я умоляла Великого Волоса, чтобы этот удар стал последним, иначе моё сердце просто разорвётся от муки. Отец тяжело дышит и с видимым усилием отбрасывает окровавленную плоть в сторону. — Завтра пойдёшь вместо матери в поле, — бросил он, даже не глядя на меня. — Хватит бока отлёживать. Он развернулся и, грубо оттолкнув рыдающую жену, скрылся в избе. Мать осталась стоять на коленях посреди двора, раскачиваясь из стороны в сторону. Я безвольно сползла с лавки на землю, падая лицом в пыль и тёплую летнюю траву. Сил кричать больше не было. Осталась только пульсирующая, всепоглощающая боль и липкая, горячая кровь, пропитывающая одежду.

Этой ночью я не спала. Не могла. Пульсирующая боль в спине, отдавала во всё тело. Я села на лавке, свесив босые ноги, и хотела зевнуть, но адская боль в губе не дала мне этого сделать. Видимо плоть задела лицо. Пусть. Крадась по избе, я тихо надела свою одежду, взяла с крюка серп и отправилась в поле.

Ветер шевелит выбившиеся из косы пряди, бросая кудряшки мне в лицо, но у меня не было сил даже поднять руку, чтобы убрать их. Я чувствовала себя сломанной куклой, брошенной в углу за ненадобностью.

— Рыжая! — Окликает меня знакомый радостный голос. Я останавливаюсь у кромки поля, но не оборачиваюсь. Спина горит огнём под грубой тканью рубахи, а разбитая губа пульсирует в такт бешено бьющемуся сердцу. Я слышу его шаги по мягкой земле — лёгкие, почти неслышные. Когда Артемий подходит ближе, я ещё ниже опускаю голову, пряча лицо за завесой выбившихся кудряшек. Он уже слишком близко. Я чувствую тепло его тела и лёгкое касание воздуха от его движения.

— Ты чего, Настя? — голос его звучит глухо, с нотками тревоги. Артемий поднимает моё лицо за подбородок. Его пальцы нежны, но настойчивы. Мне приходится встретиться с ним взглядом. Вижу, как его добрые голубые глаза, обычно полные света, мгновенно наливаются тёмной, грозовой злостью. Он всё понял без слов. Смотрит на мою распухшую губу, потом переводит взгляд куда-то поверх моего плеча, словно видя там, во дворе нашего дома, сцену расправы. Не говоря больше ни слова, он разжимает руку, позволяя мне отстраниться, и с грохотом бросает свои инструменты на мягкую траву. — Раньше он тебя не бил! — рычит Артемий, разворачиваясь к деревне. Голос его дрожит от ярости. — Ненавидеть меня — это одно, но за то, что поднял руку на тебя...

Страх за него пронзает меня острее плети. Я знаю эту ярость. Она слепа и ведёт только к беде. Забыв про собственную боль, я обгоняю его, преграждая путь. Его рука сжата в кулак так сильно, что белеют костяшки пальцев. Я беру эту родную, мозолистую ладонь, горячую от гнева, и кладу себе на грудь, туда, где под рёбрами испуганно трепещет сердце.

— Мать тоже не отставала — мой шёпот едва слышен.

— Била тебя? — его голос срывается.

Я качаю головой, чувствуя, как новая волна стыда заливает щёки румянцем. — Предложила тебе пойти в дружинники. Злость в его глазах медленно тает, уступая место тяжёлой задумчивости. Он отводит взгляд, смотрит вдаль, на темнеющий лес.

— Даже не думай, — шепчу я умоляюще, сжимая его пальцы на своей груди. — Прошу тебя. Мгновение тишины кажется вечностью. Наконец, напряжение покидает его плечи. Кулак разжимается, ладонь ложится на мою спину, осторожно, боясь причинить боль. Злость перешла в горькую усталость. Он притягивает меня к себе, его губы касаются моего лба, макушки, пахнувшей летним ветром.

— Глупая, — выдыхает он, и в этом слове столько нежности, что у меня перехватывает дыхание. Мы молча поднимаем брошенные им инструменты и, плечо к плечу, отправляемся в поле. Впереди нас ждал долгий день тяжкого труда, но сейчас, в его объятиях, даже эта боль казалась терпимой.

Вернувшись домой в нос ударил притягательный аромат печёных пирогов. Мать пытается извиниться.

— Садись, давай, Настя, небось, весь день и маковой росинки в рот не взяла.

Молча скрываясь за печью, я ложусь на лавку, чувствуя как, глаза наливаются тяжестью. Сквозь сон я слышу голоса отца и матери, но уже не могу разобрать слова, потому что погружаюсь в обволакивающий сон.

Проснувшись с первыми петухами, я нехотя встаю. Сон ещё цепляется за веки липкими пальцами, но тело помнит о делах. В избе душно, пахнет остывшей золой и сушёным зверобоем. Я накидываю на плечи старый платок матери — он пропитан её запахом, который теперь приносит не утешение, а глухую тоску.

Во дворе прохладно, роса лежит на траве тяжёлым серебром. Солнце только-только тронуло золотом верхушки сосен на опушке леса. Мир просыпается медленно, лениво. Я беру плетёную корзину, чтобы собрать свежие яйца, и направляюсь к низкой двери курятника. Внутри царит полумрак и густой, тёплый запах соломы и птичьего пера. Куры уже копошатся в пыли, недовольно квохча при моём появлении. Я привычно шарю рукой под насестом, там, где несушки любят прятать свои кладки. Пальцы натыкаются на тёплую скорлупу, и вот первое яйцо уютно ложится в ладонь. Но тут же что-то другое царапает кожу. Не камень, не щепка... Это гладкая, прохладная поверхность. Я достаю руку и шурюсь, пытаюсь разглядеть находку в тусклом свете, пробивающемся сквозь щели. Это был небольшой свёрток из бересты, туго перетянутый льняной нитью. Моё сердце пропустило удар. Никто, кроме него, не оставлял мне вестей таким образом. Дрожащими пальцами я развязала узелок. Береста была гладкой, без единого сучка, а на ней — нацарапанные углём, слегка кривые буквы. Почерк был торопливым, словно писавший спешил или рука его дрожала от волнения.

«Рыжая, моя, нежная, я ухожу сегодня на заре. Мать твоя права: иного пути нет. Отец твой никогда не примет меня иначе, чем воина с мечом у пояса. Я должен принести выкуп за тебя, чтобы ты не знала нужды. Должен стать кем-то, кто достоин твоей красоты. Я записался в княжескую дружину. Они ушли по тракту на север, к заставам. Сказали, вернусь с добычей или не вернусь вовсе. Прости, что не сказал тебе сам. Ты бы плакала, а я слаб перед твоими слезами. Помни мой обет. Я вернусь, коли сильно ждать будешь. Твой Артемий.»

Буквы поплыли перед глазами. Строчка «не вернусь вовсе» обожгла хуже калёного железа. Он ушёл. Бросил всё. Оставил меня одну разбираться с гневом отца и пустыми обещаниями матери. Воздух в тесном курятнике вдруг стал невыносимо горячим и спёртым. Я привалилась спиной к шершавому бревну стены, сжимая в руке проклятую записку так сильно, что края бересты впились в ладонь. Курица рядом испуганно шарахнулась в сторону, но я даже не заметила этого. Весь мир сузился до этих нескольких строк, написанных углём.

Зов

Зов.

Солнце ещё не успело выкатиться из-за кромки леса, чьи деревья шептались на древнем языке с первыми ветрами, а я уже на ногах. Воздух густой и плотный, пахнет росой, влажной землёй, в которой спали корни-обереги, и горьковатой полыньёю у плетня. Ноги сами несут меня к полю по прохладной траве, усыпанной алмазами росы.

Выйдя на наш клин, я замерла на миг. Рожь стоит стеной — высокая, выше моего роста. Колосья уже налились золотом, напившись силой земли, склонились к земле под своей тяжестью. Мне казалось, они шепчутся о чём-то с ветром, передавая ему вести из Нави.

Я сжала рукоять серпа так сильно, что костяшки пальцев побелели. Холодное железо привычно легло в ладонь. Но сегодня серп кажется мне неподъёмным. *Оставил меня. Здесь. Одну.* Мысль обожгла хуже крапивы. Я сделала первый широкий замах. Лезвие с тихим шелестом срезало горсть стеблей. В нос ударил густой, сладкий аромат лета — запах свежескошенной травы и созревшего зерна, смешанный с запахом железа. Замахнулась снова. И ещё раз. Я резала с остервенением, вкладывая в каждый удар всю свою злость и тоску.

Срезала стебли снова и снова, тяжело дыша.

Пот, едкий и солёный, струится по лбу, заливая глаза, падает каплями на губы. Льняная рубаха на спине промокла насквозь. Глаза жжёт до боли, слезы катятся по щекам, мешаясь с потом. Я не могла их остановить. — Да пощадит твоего Артемия Перун. Вернётся твой сокол, — раздался рядом глухой голос матери. Её слова должны были утешить, но прозвучали как заклинание, которое она твердила уже сотню раз. Мать положила мне на плечо свою широкую, мозолистую ладонь. Я дёрнула плечом, сбрасывая её руку. Прикосновение отозвалось глухой болью в сердце. Я не смотрела на неё, но знала, что она качает головой, беззвучно шепча молитву Волосу.

К полудню солнце стало безжалостным, выжигая последние остатки утренней прохлады. Воздух над полем дрожит маревом, в нём тонет и наша весь, и священная река за ней. Рубаха прилипла к телу, сковывая движения.

К обеду руки налились свинцом, пальцы немеют на горячей рукояти серпа.

Когда наконец с поля донёсся протяжный крик мальчишки-пастуха — сигнал к отдыху — я почувствовала себя выжатой досуха.

Я безвольно плетусь за матерью к тени старой берёзы на краю поля, где уже собрались остальные. Мужики уже разложили небольшой костёр из сушняка, дым которого должен был отпугивать мошку. Аромат парного молока с краюхой ржаного хлеба сейчас стал бы слаще любого мёда, но не для меня. Я с омерзением наблюдаю, как Гореслав, пьёт прямо из глиняного кувшина, и белая струйка стекает на его потную рубаху. Мать сидит прямо на земле, вытянув уставшие ноги, и улыбаясь, отрывает кусок хлеба. Ладонь сама по себе сжалась в кулак так, что ногти впились в кожу. — Вы набиваете здесь животы, пока мой Артемий, голодный и злой, защищает ваши спины от кочевников на границе! — выплонула я, ненавидя их всей душой. Гореслав перестал пить, удивлённо посмотрел на меня и почесал затылок. — Чего это ты, Наська... Обидел кто? Его непонимание взбесило меня пуще прежнего.

Он сидит тут, целый и невредимый, пока мой любимый, защищает род людской.

Я резко разворачиваюсь и иду прочь от этих лицемеров. Я пытаюсь разглядеть ряд готовых снопов, уходящих к горизонту, но горячие слёзы застилают всё вокруг. Моя спина горит огнём, ладони стёрты в кровь, но боль физическая была ничем по сравнению с той, что терзала душу. Я запустила руку за пазуху и достала единственное, что грело моё сердце. Последнее

послание от любимого. Береста, сухая и тёплая, мягко коснулась моей мокрой щеки, словно это сам Артемий погладил меня по лицу.

Воздух, мгновение назад пахнувший прелой землёй и листвой деревьев, сделался тяжёлым, густым, словно перед грозой. И в этой неестественной, звенящей тишине, прямо у моего уха, раздался он.

— Анассстасия...

Это был не звук, а скорее липкая, холодная мысль, вползшая мне прямо в голову. Шёпот не имел источника. Он не доносился из-за спины или из веток берёз. Он был везде и нигде одновременно.

Мрачный, как безлунная ночь в топких болотах, и таинственный, как древние знаки на валунах у капища. Этот голос не произносил моё имя — он смаковал его, перекачивая во рту, растягивая согласные до бесконечности, и называя его как-то по-заморски.

«Анассстасия...».

Шёпот обволакивает меня со всех сторон. Он проникает под кожу ледяными иглами, сковывая движения, и путает мысли. Он давит на сознание невыносимой тяжестью, пытаюсь выдавить из него остатки воли и света, оставляя лишь пустоту и липкое, первобытное желание подчиниться.

— Я Настя! — Выкрикиваю я, собрав остатки воли, но ответом мне лишь омерзительный смех.

Очнулась я резко, словно вынырнув из ледяной воды. Грудь тяжело вздымается, сердце колотится где-то в горле. Я лежу на своей лавке, укрытая лишь тонкой тканью ночной рубахи. Как я здесь оказалась?

Последнее, что я помню — это липкий, обволакивающий шёпот и смех, от которого подкосились ноги. Должно быть, я пришла в себя и добралась до избы, сама того не осознавая.

Глубокая ночь окутывает избу. Тишина давит на уши. В панике я шарю ладонями по подушке, по простыне. Пусто. Неужели потеряла? Но пальцы нащупывают что-то гладкое и прохладное под подушкой. Береста. Прижав её к груди, где всё ещё гулко бьётся сердце, я медленно выдыхаю. Она здесь.

Прижимая к себе единственное, что оставил мой любимый, я проваливаюсь обратно в небытие.

Солнце бьёт прямо в глаза, заставляя щуриться. Воздух пахнет свежескошенной травой и мёдом.

— Хватит тебе, Рыжая! — смеётся Артемий.

Он сидит на траве, скрестив ноги, и с закрытыми глазами пытается нащупать мою руку. На его лбу косо сидит венчик из одуванчиков, съехавший набок. — А я говорю — надо! — сквозь смех возражаю я.

Стоя позади него и, пританцовывая, я пытаюсь аккуратно водрузить венчик ему на голову.

Вдруг он резко вскакивает на ноги и разворачивается. Он оказался так близко, что я невольно отступила на шаг и упёрлась спиной в ствол старой берёзы. Взгляд его голубых глаз пристальный, жадно разглядывает моё лицо, от чего щёки мгновенно заливаются жарким румянцем.

Тёплые пальцы касаются моего лица. Он аккуратно убрал непослушную рыжую прядь, выбившуюся из косы. Затем его ладонь ложится мне на подбородок, мягко, но настойчиво заставляя поднять голову и заглянуть ему прямо в глаза.

И мир изменился.

Голубизна его радужки начала таять, растворяясь в ядовитой зелени. Глаза сузились, превращаясь в узкие вертикальные щели с пульсирующими змеиными зрачками. Изумрудно-зелёные, нечеловеческие глаза завораживают, лишая воли и приказывая забыть обо всём на свете.

Я попыталась отшатнуться, закричать, но тело перестало меня слушаться. Я не могла двинуть и пальцем.

Артемий наклонил голову чуть набок, изучая добычу. Его губы искривились в жуткой пародии на улыбку и приоткрылись.

— *Анассстасия...* — прошипел он мне прямо в лицо.

— Я Настя! — С трудом выкрикиваю я.

Тело Артемия медленно покрывается зеленовато-голубыми чешуйками, с красным отливом. Он наклоняется к моему уху, и я чувствую, как кожи касается горячий язык.

— Моя прекрасная королева не может носсить имя челяди и простолюдинки, ты моя Анассстасия — королева, твоя крассссота ослепительна, а изгибы манят меня.

От облика Артемия нет уже ничего, вместо него передо мной извивается огромный змей. Чешуйки переливаются на солнце, я не могу оторвать от них взгляд. С трудом я заставляю себя закрыть глаза.

— Нет нет нет — Шепча одно единственное слово, оно превращается в мантру.

Я рванулась из всех сил и... проснулась.

В избе всё так же темно. Липкий холодный пот покрывает всё тело. Я сажусь на лавке, прижав колени к груди и дрожа всем телом. Сон. Это был всего лишь сон... Но ощущение чужого присутствия ни как не отпускает меня.

Пробуждение было похоже на выныривание из вязкой, чёрной смолы. В нос ударил густой, успокаивающий запах горячего молока и разваренной репы. Убирая с лица спутанные медные кудри, я почувствовала, как голова наливается невыносимой тяжестью, словно внутри черепа залили расплавленный свинец.

Я попыталась приподняться на локте, но мир вокруг опасно качнулся. Перед глазами заплесали цветные пятна, желудок скрутило спазмом, и голова без сил упала обратно на подушку. Сухие губы, покрылись шершавой корочкой, и каждое движение ими причиняло боль. Я тяжело сглотнула, пытаясь протолкнуть горький ком, застрявший в гортани.

Сквозь туманную пелену я увидела мать. Её лицо, обычно строгое, сейчас выражало лишь тревогу и усталость. Она поставила глиняный кувшин рядом с лавкой, и по избе поплыл пар. — На вот, дочка, выпей... Сегодня не ходи в поле, а то ты совсем плоха. — Её голос доносится будто издалека, глухо и искажённо. Она села на край лавки и положила мне на лоб мокрую, приятно-холодную тряпицу. Прохлада принесла мимолётное облегчение. — Где ж тебя так угораздило-то Ещё и летом, в самую жару

Её последние слова я уже слышала отдалённым эхом. Тяжёлая входная дверь скрипнула, закрываясь за ней, отсекая звуки внешнего мира. Я снова провалилась в глубокий, лихорадочный сон.

По коже пробежали мурашки. Я почувствовала чьё-то ледяное, неземное прикосновение к своему плечу — словно сама могильная сырость коснулась кожи сквозь тонкую ткань рубахи.

Я резко открыла глаза, и прямо перед моим лицом, в полумраке избы, горят два ярко-зелёных, нечеловеческих глаза с вертикальными щелями зрачков. Они огромны и источали холодное, гнилостное свечение, от которого воздух вокруг становился вязким и тяжёлым. В них не было ни капли тепла, лишь древний, хищный голод.

А затем существо подалось вперёд, заполняя собой всё пространство над моей лавкой. Из темноты проступили очертания гигантской змеиной головы, чешуя которой казалась чёрной и влажной, как речная тина. Его морда искажена жуткой кривой ухмылкой, за которой виднеются острые, игольчатые зубы.

В нос ударил запах болотной воды, прелых листьев и чего-то приторно-сладкого, тошнотворного.

Змей склонился ещё ниже, его горячее, смрадное дыхание обожгло мне лицо. — *Анассстасия...* — прошипел он, и звук этого голоса вибрировал прямо у меня в черепе, вытесняя все

мысли и оставляя лишь парализующий страх. Он больше не говорил через образы Артемия. Теперь он явился в своём истинном, чудовищном обличье, чтобы забрать то, что считал своим по праву — мою сломленную душу.

Я хотела закричать, позвать хоть кого-то, но горло перехватило спазмом. Я могла лишь беспомощно смотреть в эти гипнотические зелёные огни, чувствуя, как хвост создания медленно извивается на моём теле.

В ужасе я наблюдаю, как хвост змея сползает с моего живота ниже, поднимая рубаху и оголяя моё тело. Мышцы инстинктивно напряглись.

Холодный хвост касается моей груди, огромная голова наклоняется, и я вижу, как раздвоенный язык оставляет паутинку слюны прямо на соске. Хвост змея опускается ещё ниже. Я тяжело дышу, и моё тело предательски изнывает от нового порочного желания.

— Не ссссопротивляйся, любовь моя, — шепчет он.

Я закрываю глаза, не желая видеть, что это существо делает со мной, но тело всё равно ощущает.

Вдруг его прикосновения больше не кажутся мне омерзительными; наоборот, я желаю почувствовать его холодные чешуйки.

Извиваясь гибким телом, змей срывает с меня рубаху, а его язык касается моей шеи.

— Оставь меня — тихо шепчу я.

Змей ухмыляется, обнажив игольчатые зубы, и растворяется в полумраке избы.

Я проснулась с необъяснимой, всепоглощающей слабостью в теле.

Оно не слушается меня, становясь чужим, и наливаясь свинцовой тяжестью. Кажется, что даже поднять руку, чтобы отогнать муху, — непосильный труд. Голова наливается пульсирующей болью, словно в виски кто-то методично вбивает тупые гвозди.

— Анассстасия Анассстасия Анассстасия.

Мучительное шипение снова и снова рождается где-то в самой глубине моего нутра, и медленно, ползёт по жилам, сковывая мышцы.

Я потеряла счёт времени и почувствовала, как зубы выбивают частую, неконтролируемую дробь.

В промежутках, сознание возвращалась ко мне и я обрывками чувствовала, как мама кутает меня во все шкуры и овчины, что есть в избе, но согреться невозможно. Холод этот не снаружи, он внутри.

Всё моё существо чувствовало, как стынет кровь, превращаясь в вязкую, ледяную патоку.

Жар сменился на озноб внезапно и жестоко. Словно кто-то плеснул на меня кипятком. Кожа вспыхивает огнём, становится сухой и горячей на ощупь.

— Да, помоги же мне, Волос, я горю изнутри! — Выкрикиваю я, не своим голосом.

В голове мутится. Реальность искажается, смешиваясь с бредом. Внезапно, потолок избы превращается в иссиня-чёрное небо, а тени от лучины — пляшущее пламя красного костра.

Босые ноги касаются мокрой травы. Шаг за шагом я иду через дым от костров. Сквозь пелену дыма мне удаётся разглядеть мёртвых соседей. Чьих-то ушедших сынов и возлюбленных. Они склоняются передо мной, их лица то яснеют, то снова расплываются в зыбком мареве.

Они шепчут моё имя, и протягивают ко мне ледяные руки.

В мареве я замечаю Артемия, и мне так хочется верить, что он вернулся, что всё было лишь страшным сном. Но что-то в нём не так. Взгляд слишком пристальный, голодный. Он пытается встать, но его движения рваные, механические.

— Любимый мой. — Шепчу я, но он исчезает в недрах дыма.

Вдруг костры разгораются пуще прежнего, искры разлетаются в разные стороны, мёртвые склоняют головы и из дыма приближается высокая мужская фигура.

Навий жених.

Навий жених.

Мир возвращается рывками. Сначала — ощущение собственного, непослушного тела, налитого свинцовой тяжестью. Затем — звук. Тихий, монотонный шепот, похожий на шелест листвы или журчание ручья. И, наконец, свет, такой невыносимо яркий, режет глаз даже сквозь сомкнутые веки. Я с трудом разлепляю ресницы.

Вынырнув на поверхность сознания, я судорожно, со всхлипом, хватаю ртом воздух. Легкие обожгло. Я лежу на лавке, мокрая от пота, и дрожу, хотя в избе тепло.

Мать сидит рядом на низкой скамеечке. Она быстро смахнула с щеки слезу тыльной стороной ладони и тут же натянула на лицо маску спокойствия. Её рука, огрубевшая от работы, легла на мой лоб — прохладная и живая. — Всё, всё уже прошло, — приговаривала она шёпотом, раскачиваясь из стороны в сторону, словно убаюкивая не меня, а свой собственный страх. — Слава богам...

Я с трудом повернула гудящую голову. Оглядываясь по сторонам, я пытаюсь привыкнуть к солнечному свету, который золотым потоком льётся из окон избы. Всё казалось нереальным, словно я смотрю на мир сквозь мутную воду. — Сколько я спала? — Мой голос кажется мне хриплым и чужим.

Мать переглянулась с кем-то за моей спиной. Я с усилием скосила глаза и увидела отца. Он осторожно вышел из-за печи, где обычно хранились травы и сушились грибы. Его огромная фигура заслонила свет. Взгляд его был по-прежнему суров, но в нём появилось что-то новое — раскаяние и робкая радость. — Пять дней, милая. Пять дней ты металась в жару и бредила.

Стыд горячей волной окатил меня, смывая остатки лихорадки. Я вспомнила всё: плеть, боль, уход Артемия. — Прости, тятя, — быстро выпалила я, боясь, что он снова разозлится. Слова давались с трудом.

Отец крикнул и подошёл ближе. Он навис надо мной, как скала, но его движения были на удивление осторожными. — Это ты прости меня, дочь, — глухо произнёс он. Его тяжёлый взгляд опустился на пол. Он долго молчал, собираясь с мыслями, подбирая слова. Наконец он поднял глаза. В них больше не было гнева. — Коли вернётся твой сокол... — он сделал паузу, словно сам не верил в то, что говорит, — свадьбу сыграем с размахом!

Я радостно улыбнулась. Слабая, но искренняя улыбка тронула мои пересохшие губы. Я сжала в руке под одеялом заветный свёрток — гладкую бересту. «Он вернётся...» — прошептала я одними губами.

И в этот миг я приняла решение. Я никогда не расскажу родителям об этом страшном наваждении в лесу и о ледяном прикосновении демона в бреду. Это будет моей тайной. Я должна быть сильной ради Артемия и ради нашей будущей свадьбы. Я должна верить только в его любовь, чтобы Огненный змей не нашёл пути к моему разуму снова.

Ранним утром я, накинув на плечи старую свитку, вышла из горницы в общую избу. Воздух густой и тёплый, пропитанный упоительным ароматом печёного капустного пирога, чей румяный бок ещё светился жаром в печи.

Отец уже сидит за столом. Он пьёт парное молоко из глиняной кружки и, откусывая добрый кусок пирога, лишь молча кивнул мне на лавку напротив. Я проследила за его взглядом и увидела там небольшой, аккуратно сложенный свёрток из чистой холстины.

Сердце пропустило удар. Дрожащими пальцами я развязала тесьму и развернула ткань. Внутри лежала она — праздничная рубаха. Длинная, из тончайшего выбеленного льна, который казался мягче лебяжьего пуха. Горловина собрана в идеальные, мелкие складки и прошита ярким, витым руликом алого цвета. Широкие рукава у запястья присборивались нарядными

зарукавьями. Но главным чудом была вышивка: по всему подолу и по краю рукавов вилась алая нить, складываясь в сложный, древний узор из ромбов — символов земли и плодородия — и солнечных, огненных знаков.

Не помня себя от радости, я быстро сбросила с плеч домашнюю одежду и через голову надела обнову. Ткань холодила кожу, а вышивка приятно царапала ладони. Я подскочила к отцу и крепко, порывисто обняла его, уткнувшись носом в его ещё крепкое плечо. — Спасибо, тятя, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Отец, не привыкший к таким проявлениям нежности, смущённо крикнул и пригладил свою густую бороду огромной ладонью. — Да будет тебе, — буркнул он в кружку с молоком, но я видела, как дрогнули в улыбке уголки его глаз.

В этот момент дверь в избу отворилась со скрипом, и в проёме показалась вихрастая голова моей подруги Фиски. — Наська! — громким шёпотом позвала она. — Пошли скорее в лес! Пока роса не сошла, травы собирать!

Я вопросительно посмотрела на отца. Он дожевывал пирог, вытер усы тыльной стороной ладони и строго глянул на меня. — Идите. Только к вечеру возвращайся, пока не стемнело. Лес нынче не шутит.

Я лишь кивнула в ответ. Радость от подарка переполняла меня, требуя выхода. Я схватила Фиску за руку, и мы, смеясь и толкаясь, выбежали из душной избы на свежий утренний воздух.

Наклонившись, я втянула носом густой, пряный аромат зверобоя, напоенного утренней росой. Осторожно, чтобы не повредить стебель, я коснулась его кончиками пальцев, а губы сами зашептали древнюю, впитанную с молоком матери молитву: — Благодарю тебя, Мать Сыра Земля, за травы дикие, что лечат тело, за хлеб на столе, что кормит душу, и за тех, кто вернулся с поля бранного живым...

Слова молитвы оборвались. Память — предательница — тут же унесла меня в другую ночь, такую же полную тайн, пропитанную пряным ароматом ночного разнотравья. Я вспомнила, как мы с Артемием уходили в лес искать цветок папоротника. Конечно, нам не нужны были никакие цветы. Это был лишь красивый, освящённый веками повод уединиться в шепчущей чаще.

Лес в ту ночь жил своей, дикой жизнью. Над головой ухал филин, в кустах шуршала невидимая мелкая живность, а под ногами то и дело вспыхивали холодным светом гнилушки. Воздух был густым и сладким. Именно там, в сердце тьмы, под сенью вековых дубов, Артемий впервые поцеловал меня. Нежно, почти невесомо, будто боялся, что я могу взмахнуть невидимыми крыльями и раствориться в чаще навсегда.

— Ну что, Наська, чего насобирала? — резкий, звонкий голос подруги вырвал меня из сладкого плена воспоминаний.

Я вздрогнула и тяжело выдохнула. В моей руке сиротливо красовался всего один стебель зверобоя. — Тю... Не густо, подруга! — Фиска фыркнула и махнула своей полной корзиной. — Ничего, я с тобой поделюсь. Она бесцеремонно схватила меня за запястье и потащила через луг.

Мы бежим, смеясь и визжа, когда холодная земля обжигает босые ступни. Солнце уже припекает, и тяжёлый аромат полевых цветов кружит голову. На мгновение мне удалось заглушить тоску по Артемию.

Вдруг я замерла, и предчувствие ледяной иглой кольнуло в самое сердце. По просёлочной дороге, у самой кромицы деревни, где пыльная трава уступала место утопанной земле, катит экипаж. Он, кажется, чужим здесь, как золотой перстень на руке землепашца. Мы с Фисой остановились, невольно залюбовавшись, но не красотой самой повозки, а мощью и статью четвёрки вороных скакунов. Их чёрные бока лоснились на солнце, а гривы заплетены в сложные косы с вплетёнными алыми лентами. Копыта, подкованные серебром, выбивают из сухой земли глухую, мерную дробь.

— Пойдём скорей! — выдохнула подруга, её глаза горели любопытством. Она метнулась обратно в деревню, петляя между домами, а я еле шла за ней, с каждым шагом чувствуя, как тяжелеют ноги.

Когда мы вышли к центру деревни, гомон толпы стал оглушительным. Простые селяне, оторвавшиеся от своих повседневных забот и подготовки к празднику, сбились в кучу и перешёптывались, провожая взглядами незваных гостей. — Кто же это? — доносилось со всех сторон. — Каков богач! Гляди, какие кони! — А красавец-то! Видать, из самой княжьей семьи!

Озираясь по сторонам, я наконец подошла к своей избе. И там, прямо напротив нашего крыльца, где отец обычно колол дрова, стоит она.

Карета — тяжёлая, приземистая, выращенная в глубокий, почти чёрный цвет индиго. Дерево отполировано до такого блеска, что в нём, как в тёмном зеркале, отражаются соломенные крыши изб и испуганные лица селян.

Но больше всего меня поразили **слуги**. Их было двое. Они стоят по обе стороны от кареты, словно безмолвные каменные идолы. Одеты они в одинаковые тёмно-синие ливреи с серебряным шитьём, которое стоило, наверное, как вся наша деревня за год. На головах у них сидят небольшие нелепые бархатные шапочки с перьями цапли.

Один из них, заметив мой взгляд, медленно и с достоинством опустил подножку, покрытую ковровой дорожкой. Он даже не посмотрел на толпу — его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. В руках у него короткий жезл, больше для вида, чем для дела. Эти люди не были воинами; они были частью декораций, дорогим обрамлением для того, кто сидел внутри этой роскошной клетки на колёсах.

Дверца кареты, инкрустированная перламутром, распахнулась. Первым на землю спрыгнул один из слуг, и лишь после этого из тёмного нутра экипажа вышел **он**.

Мужчина. Высок, статен и двигается он с грацией хищного зверя. Длинные, чёрные волосы, собранные в тугой хвост на затылке, открывают высокий лоб и подчёркивают резкие, словно высеченные из камня черты лица. Он гладко выбрит, что само по себе было редкостью и говорило о его высоком статусе и следовании иноземной моде. Но больше всего поражали его глаза — холодные, оценивающие, цвета тёмного изумруда.

Длинная свита из византийского сукна глубокого, почти чёрного цвета, мягко струится по земле, до самых щиколоток, подчёркивая его поджарую фигуру. Свита распахнута на груди, открывая вид на нижнюю рубаху из тончайшего, белоснежного шёлка.

Ворот и края рукавов этой рубахи богато украшены вышивкой золотой нитью, изображавшей сложные меандровые узоры.

Поверх свиты на плечах лежит **корзно**. Оно скроено из алого, как кровь, аксамита. Ткань переливается на солнце, играя бликами. Плащ не был застёгнут фибулой на плече, как у воинов, а свободно ниспадает, удерживаемый лишь на груди массивной **золотой гривной**. Его **пояс** широкий, из выделанной кожи оленя, и сплошь покрыт серебряными бляхами с чернью.

На поясе красуется небольшой кинжал в ножнах, рукоять которого инкрустирована бирюзой.

На ногах его **сафьяновые** сапожки алого цвета в тон плащу, с загнутыми вверх носками и тончайшей вышивкой по голенищу. Он сделал шаг вперёд, и я заметила на его пальцах несколько тяжёлых перстней с самоцветами.

Он медленно обвёл взглядом толпу селян, и его взор остановился на моём отце, который вышел на крыльцо.

Отец сложил руки на груди и произнёс. — Чему обязан?

Мужчина сделал шаг к моему отцу и надменно бросил. — Желаю в жёны взять вашу дочь, Анастасию.

Вся толпа разом обернулась на меня. Фиса и вовсе застыла с открытым ртом, а её глаза расширились настолько, что, казалось, ещё немного — и они выпадут из орбит, покотившись по пыльной земле.

Минута напряжённого молчания была прервана появлением матери. Она выбежала на крыльцо, сдвинув брови у переносицы, и удивлённо спросила: — Нашу Наську, что ль?

— Вашу. — Подтвердил глубокий бархатистый бас незнакомца.

Толпа ахнула. Женские взгляды, полные недовольства и осуждения, тут же устремились на меня. — Ишь, Наська-то какова скромница — донеслось из-за спин. — Да она и мизинца не стоит такого красавца — вторил другой голос.

— Ну, заходите, коли праздничный пирог отведаете. — Мать, кажется, уже оправилась от первого шока.

Отец немного отошёл в сторону, открывая дверь перед гостем. Когда они оба скрылись в полутьме избы, мать жестом подозвала меня. Я шла сквозь строй косых взглядов, сжимая кулак за спиной так сильно, что ногти впивались в ладонь.

— Не сердчайте уж, — начал отец, когда мы расселись. — Мы богатством не славимся, но монетой не обижены.

Он сел на лавку и жестом пригласил гостя сесть напротив. Мать засуетилась на кухне: достала с полки братину, разложила на широкое блюдо капустный пирог. Разложив всё на столе, она присела рядом с отцом, накидывая на плечо полотенчика.

Мужчина сложил руки на столе в замок. — У меня много дел, милейшие, поэтому я перехожу сразу к делу. Будучи год назад в ваших краях, Анастасия мне приглянулась сразу. Поймите, я занятой человек, поэтому тогда у меня не было возможности подарить вам своё время. Сегодня же... — он хищно оглядел меня с ног до головы, и я почувствовала, как на щеках вспыхнул предательский румянец, — ...я с удовольствием предлагаю вам пять мешков золотых и своё обещание любить Анастасию и обеспечивать её.

Отец открыл рот, чтобы что-то спросить, но мужчина перебил его: — Анастасия будет жить в моём огромном замке — фамильной реликвии. Слуги уже готовят для неё комнату. Одежда для неё будет пошита по меркам изысканной моде Европы

— Европы — эхом повторила мама и вытаращила на гостя глаза.

Мужчина кивнул, и на его лице появилась полуулыбка — та самая, которой он явно заманивал девушек в свои сети. — Или она сможет купить всё, что пожелается, в Мироградской швейной лавке.

— Мироградской — опять повторила мама. Её рот сам собой открылся от удивления. Я мягко коснулась её плеча, и она вздрогнула, махнув на меня рукой, но рот прикрыла.

— Так же у меня есть конюшня, участок в несколько гектаров, сад с плодородными деревьями — Зелёные глаза посмотрели на меня исподлобья. — Только вот нет нежной ручки, которая бы этим всем управляла.

— Ваши речи сладки, но чем докажете? — голос отца стал твёрже.

Мужчина поднял руку, приказывая слуге подойти. Один из них тут же подскочил к столу и бросил на него два тяжёлых мешка. Одна золотая монетка выпала из мешочка и со звоном покатилась по деревянному столу. Мужчина ловко поймал её двумя пальцами и принялся рассматривать. Она манила своими переливами в тусклом свете лучины. Отец и мать невольно засмотрелись на монету, но гость резко убрал её в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.